

А. Я. Капустин

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ФОРМИРОВАНИЕ МИРОПОРЯДКА НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности науки современного международного права, ее природа и функции в международном сообществе государств в условиях формирования миропорядка XXI века. Рассматривается роль и влияние традиционных центров развития науки (университетов, научных исследовательских организаций), а также относительно новых участников, иницилирующих развитие международно-правовых исследований (международных межправительственных и неправительственных организаций, профессиональных объединений научных работников) на развитие современной науки международного права и ее структурирование (на научные школы или доктрины). Подробно анализируется предмет науки международного права. В результате формулируется предложение включать в него не только собственно международно-правовые нормы (договорные или обычно-правовые), но и иные факты международной (акты международных организаций и международных конференций, включая акты «мягкого права» и программные нормы, правоприменительные акты, включая дипломатическую переписку, решения международных судебных и квазисудебных органов, акты МНПО) или национально-правовой действительности (законодательство и правоприменительную практику). Автор выдвигает идею, что и науковедение, то есть изучение доктрин международного права, также относится к предмету его науки. Отмечается влияние переходных период в развитии международных отношений на рост нигилистического восприятия международного права. Наряду с этим затрагиваются подходы к определению и признанию науки как источника международного права. Делается вывод, что в современных условиях значение международно-правовой науки как способа познания международного права и на этой основе расширения ее влияния на международную правотворческую и правоприменительную деятельность возрастает.

Ключевые слова: международное право, наука международного права, история науки международного права, школы (доктрины) международного права, предмет науки международного права, наука международного права и международное правотворчество, наука международного права и международная судебная практика, доктрина международного права как источник международного и национального права.

Международно-правовая наука, как самостоятельная научная юридическая дисциплина, имеющая свой особый предмет, по общему признанию начинается складываться с XXVII века, когда появились первые работы посвященные нормам, регулирующим отношения между суверенными государствами. В отличие от своих предшественников, заложивших основы изучения права, регулирующего международные отношения, к которым относились представители так называемой «испанской школы международного права» (Франсиско де Витория, Франсиско Суарес и др.), развивавшие правовые идеи в трудах по теологии и с теологических позиций, Гуго Гроций¹, считающийся «отцом международного права» (или права народов, как тогда было принято именовать между-

народное право), и его последователи являлись светскими деятелями, основывающими свои взгляды на идеях естественного права. Отделение от теологии можно считать первым шагом на пути обособления международно-правовых исследований в отдельную отрасль науки.

По мере становления и развития науки международного права в ней формировались собственные научные школы, которые отличались друг от друга в зависимости от исходных позиций их лидеров, объясняющих природу и назначение международного права (естественно-научные теории, позитивистская теория и целый ряд других теорий международного права). Наряду с этим, в науке выделяют научные школы международного права, складывающиеся в отдельных государствах, которые имеют значительные особенности, позволяющие утверждать о том, что они занимают особое место в истории науки международного права².

¹ Работа Г. Гроция «О праве войны и мира» (полное название – «Три книги о праве войны и мира», книга была первоначально написана на латыни «De jure belli ac pacis»), изданная в 1625 г., стала первым систематическим трудом, охватившим все основные вопросы международного права той эпохи. В этом труде Г. Гроций настойчиво отстаивал идею существования «общего права народов».

² Например, отмечается оригинальный характер «немецкой школы международного права», сложившейся благодаря трудам представителей немецкой классической философии Г. Гегеля, И. Канта и др.

В основе статьи – доклад, представленный автором на X Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов «Правотворчество и юридическая наука: современные проблемы» (Москва, 3–4 июня 2015 г.)

Долгое время наука международного права развивалась в университетах, которые являлись своего рода «фабриками идей» и поощряли научные исследования своих ученых. Начиная с XX века появляются научно-исследовательские учреждения, которые стали проводить изучение различных вопросов международного права. Начиная со второй половины XX века значительную роль в содействии развитию науки международного права начинают играть международные межправительственные организации (ММПО), которые выступают инициаторами проведения различных исследований, относящихся к различным глобальным проблемам человечества и их правовым аспектам, равно как и к конкретным вопросам международно-правового характера. С учетом значения некоторых международных неправительственных организаций (МНПО) в содействии развитию отдельных отраслей международного права и их заинтересованности в правоприменении, нельзя не отметить их организующей функции в поощрении проведения научных исследований в соответствующих сферах международных отношений и права³.

В настоящее время науку международного права можно определить как саморазвивающуюся систему взглядов, представлений и знаний о международном праве, его принципах и нормах, отдельных институтах или отраслях. В то же время нельзя не обратить внимание на небольшой парадокс: несмотря на длительную историю развития, формирующуюся внутреннюю структуру, важное социальное значение сама наука международного права, редко становится объектом самостоятельного научного анализа. Чаще всего, интерес к науке проявляется в исследовании историко-правового контекста ее развития⁴. В остальных случаях (в

монографических и диссертационных исследованиях) доминирует фрагментарный подход к рассмотрению взглядов своих предшественников.

Уместно высказать несколько замечаний о предмете науки международного права. Выше указывалось, что ее предметом является международное право и его отдельные составляющие (нормы, принципы, институты, отрасли). Казалось бы, что еще сюда можно добавить, все достаточно ясно и определено? Однако, это впечатление обманчиво, потому что, методология изучения норм или принципов в различных сферах международных отношений может быть различна. В самом деле, отношения государств, например, в сфере международной безопасности, предполагают определенный уровень осведомленности и понимания процессов, происходящих в данной сфере. Например, понятие и средства обеспечения безопасности в XIX в., в начале XX в. и во второй декаде XXI века различаются кардинально, соответственно, лицо, исследующее международно-правовые вопросы, например, универсальной безопасности, помимо анализа истории взаимоотношений между государствами в этой сфере должно иметь представление об уровне развития вооружений, расстановке военно-политических сил в мире, политике ведущих государств и их военно-политических союзов и т.д. Разумеется, изучение этих и иных относящихся к основному предмету исследования вопросов, не является самоцелью, а направлено на лучшее понимание содержания соответствующих международно-правовых норм, соответственно, оно носит вспомогательный характер. Но это не отменяет необходимости рассмотрения таких дополнительных вопросов. Соответственно, для специалиста, изучающего международно-правовое регулирование охраны окружающей среды, необходимо понимание природных процессов, которые он черпает из арсенала естественных наук. Разумеется, основное внимание уделяться и в данном случае не только и не столько овладению терминологией, категориальным аппаратом и т. д. сколько политике государств по конкретному вопросу (охрана животного или растительного мира и т.п.).

Таким образом, в предмет науки международного права неизбежно будут вовлекаться вопросы исследования международных отношений, внешней политике государства или нескольких государств, а в настоящее время, еще и позиции, занимаемой международными организациями (как ММПО, так и в ряде случаев МНПО). Уместно сделать одну небольшую ремарку о роли международно-правовой науки в изучении международных отношений в настоящее время и в целом не столь отдаленные времена. Так, в 60-80-е годы прошлого века нередко можно было встретить высказывание о том, что в отечественной науке международных отношений ощущалось увлечение конкретно-

³ Например, нельзя не отметить постоянного внимания со стороны Международного комитета Красного Креста (МККК) к развитию и совершенствованию современного международного гуманитарного права. В 70-х годах XX века, например, он совместно с ООН участвовал в организации и проведении научных симпозиумов и международных встреч экспертов для обсуждения вопросов прогрессивного развития международного права. В настоящее время совместно с Российской ассоциацией международного права он организует различного рода научные мероприятия (круглые столы, симпозиумы, конференции), посвященные отдельным вопросам международного гуманитарного права, наиболее значительной из которых являются периодически собираемые «Мартенсовские чтения» по актуальной тематике международного гуманитарного права. Конечно, не следует забывать, что «дессиминация», т.е. содействие распространению знаний о международном гуманитарном праве это одно из важнейших направлений деятельности МККК, научные исследования являются частью этого понятия.

⁴ См.: Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX и в начале XX в. М., 1982; Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000; Стародубцев Г.С. История международного права и его науки. М., 2006 и др.

историческими исследованиями в ущерб теоретическим, в связи с чем юристам-международникам при анализе конкретных проблем приходилось восполнять этот пробел⁵. Сегодня, в связи с бурным развитием политологии, изучающей международную политику, теории международных отношений такого недостатка уже не просматривается.

Наряду с этим, следует отметить, что в предмет науки международного права следует включать и более широкий перечень нормативных и программных источников. В частности, в современных ММПО активно развивается так называемое «мягкое право», то есть нормы, не имеющие характера международно-правовых обязательств, часто обладающие морально-политической силой, что не мешает им оказывать воздействие на состояние международных отношений в той или иной сфере. Это относится как к ООН, так и к региональным ММПО. Соответственно, нормативные акты ММПО в настоящее время также входят в предмет международно-правовых исследований. В связи с усложнением международных отношений и необходимостью обеспечения по возможности их большей предсказуемости в рамках современных ММПО принимаются программно-целевые документы, которые не носят нормативный характер, но оказывают значительное влияние на международное правотворчество и правоприменение. К такого рода актам можно отнести Декларацию о целях развития, принятую на саммите тысячелетия ООН мировыми лидерами в сентябре 2000 г., предусматривающую решение 8 важнейших целей развития к 2015 г. Этот документ продолжает оставаться одним из наиболее цитируемых в международно-правовых исследованиях, посвященных проблемам современного мира.

Важную роль в понимании содержания международно-правовой нормы является практика ее применения дипломатическими и особенно международными судебными органами. Следовательно, в предмет науки международного права входит правоприменительная практика и особенно, решения международных судебных органов, которые дают богатую пищу для размышлений, поскольку представляют собой результат аутентичного толкования международно-правовой нормы. В последнее время часто говорят о правовых позициях международных судов, как обобщенном понимании ими содержания международно-правовой

нормы, истолкованной и примененной к конкретному случаю, служащему предметом обращению в суд⁶. Чаще всего, эта категория применяется в отношении позиций, сформулированных в постановлениях Европейского суда по правам человека, вспомогательного органа Совета Европы, обладающего исключительной компетенцией по толкованию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколов к ней. В последнее время высказываются предположения о наличии правовой позиции у Международного суда ООН и других международных судебных органах. Вопрос достаточно спорный и неоднозначный, поскольку в договорном порядке (уставах или статутах судов) закрепляется юридическая обязанность государств выполнять исключительно решения международных судов по спорам, участниками которых являются данные государства и только по конкретным делам, касающимся таких государств. В связи с тенденцией пролиферации международных судов возникает интересная для науки международного права проблема выбора правовых позиций судов в случае, когда суды при толковании одной и той же нормы международного права формулируют различные позиции. Кому отдавать предпочтение, в случае если государство сталкивается с необходимостью ее применения? Подобного рода ситуации обесценивают значение правовых позиций международных судов в глазах государств и побуждают их обращаться к иным средствам установления содержания правовых норм. Кроме того, нельзя не отметить, что в отличие от национальных правовых систем, в которых правовые позиции высших судебных инстанций «встраиваются» в общую нормативную иерархическую вертикаль, свойственную для конкретной системы, в международном праве отсутствует аналогичная вертикаль. Вопросы международно-правового статуса международных судов устанавливаются международными договорами, часто практически между собой не взаимосвязанными за исключением весьма отдаленных от судебной практики тонких правовых связей. Отсутствие взаимосвязанной международной судебной системы сводит на нет любые попытки установления обязательного взаимодействия международных судов между собой в вопросах взаимного признания своих правовых позиций, а обязательность уважения государственного суверенитета стоит надежной преградой на пути формирования единообразной внутригосударственной практики в отношении признания конкретных правовых позиций международных судов.

⁵ Можно вспомнить блестящего юриста профессора Г.И. Морозова, который часто в своих исследованиях международных организаций выходил за пределы, требуемые методологией международного права. То же самое можно сказать и о многих других видных ученых-юристах той эпохи: И.П. Блищенко, И.И. Лукашук, Р.А. Тузмухамедов и этот список можно продолжать.

⁶ О теоретическом понятии правовой позиции см.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда и парламент. М., 2005; Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции. Основы теории. М., 2008 и др.

Наконец, нельзя не признать исследовательскую ценность норм национального права и судебную практику национальных судов для науки международного права. Если обратиться к практике российских судов, то и Конституционный суд и Верховный суд Российской Федерации весьма активно высказываются по вопросам международного права, затрагивающим национальное право или особенности применения международно-правовых норм в национальной правовой системе⁷. Поэтому уровень объективности и значимости научных исследований возрастает, если в них осуществляется анализ судебной практики не только одного государства, но и иных государств мира.

Наконец, сама международно-правовая наука является предметом исследования. Это утверждение не парадокс и не логическая ошибка. Выше уже отмечалось, что в процессе исторического развития в науке международного права появлялись различные школы и научные доктрины, которые оказывали влияние в том числе и на эволюцию международного права. Наличие различий между национальными школами международного права сегодня не вызывает каких-либо дискуссий⁸, хотя при этом указывается на процесс интернационализации доктрины, обуславливающий рост самостоятельности доктрины, реже уступающей дорожку практической политике⁹. В то же время, некоторые специалисты, касаясь тонкого вопроса о соотношении науки и политики государств, указывают на снижение значимости науки для практической политики¹⁰.

В связи с отмеченным хочется затронуть вопрос об отечественной доктрине международного права. В свое время в отечественной, а ныне по-прежнему и в зарубежной науке признается существование особой «советской школы» (или доктрины) международного права¹¹. Советская школа международного права, сло-

жившая в своих основных чертах к концу 50-х годов XX века, внесла значительный вклад в развитие современного международного права, чему в значительной мере способствовало международное положение СССР как великой державы и внимание, которое уделялось развитию научных исследований. Разумеется, как и иные общественные и гуманитарные науки она имела чересчур идеологизированный характер, что не мешало ей ставить и решать в заданных координатах все важнейшие вопросы международного права.

В последнее время на ежегодных собраниях Российской ассоциации международного права несколько раз ставился вопрос о необходимости разработки научной позиции относительно формирования национальной, то есть российской доктрины международного права. Данную точку зрения последовательно отстаивал член Исполкома ассоциации профессор Хлестов О.Н. В ходе обсуждения данного вопроса мнения участников дискуссии разделились. Одни из них поддержали позицию О.Н. Хлестова и считали, что пора обсудить и уточнить наши представления по фундаментальным вопросам международно-правовой науки, другие, напротив, исходили из того, что наука международного права достигла такого уровня интернациональности, что можно говорить о доктринах или школах применительно к различным теоретическим подходам по вопросу сущности международного права (позитивизм, нормативизм и т.д.), поскольку в этом случае никаких особых «национальных» различий между доктринами не наблюдается. Судя по всему, дискуссия будет иметь продолжение, поскольку различные интерпретации международного права и его роли в современных условиях, которые давались государствами применительно к конкретным событиям международной жизни в течение последних двух лет¹², побуждают науку осмыслить это явление и дать ему соответствующее объяснение.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время предмет науки международного права включает различные по своему юридическому характеру и значению факты международной системы (договорные и обычно-правовые нормы, акты международных организаций и международных конференций, включая акты «мягкого права» и программные нормы, правоприменительные акты, включая дипломатическую переписку, решения международных судебных

⁷ Наиболее свежий пример подобного рода, это Постановление Конституционного Суда РФ по делу о применимости решений ЕСПЧ на территории РФ, принятое 14 июля 2015 г., которое будет предметом внимательного анализа не только теоретиков права и специалистов по российскому праву, но и юристов-международников. Дорогу практик

⁸ Так, И.И. Лукашук отмечает, что доктрина международного права всегда страдала национализмом, с чем приходится считаться и сегодня. См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2000., с.120.

⁹ Там же.

¹⁰ Авторы курса немецкого переводного курса международного права отмечают, что «в настоящее время международное право, напротив, насаждается государствами на основании их суверенной воли совместно и «очевидно»». // Вольфганг Граф Витцгум. Международное право. М., 2014, с.73.

¹¹ См., например: International law/Ed., by M. D. Evans. Oxford, 2003. В этой работе английский юрист Я. Скобби проводит

довольно интересный и детальный сравнительный анализ двух ведущих доктрин международного права эпохи «холодной войны»: советской и «школы Нью Хэвэн» с точки зрения противостояния двух мировоззрений (либеральная демократия против марксизма-ленинизма) // International law / Ed., by M. D. Evans. Ibidem, p. 67-77.

¹² См.: Медведев Д.А. Выступление на Пятом Петербургском Международном юридическом форуме.

и квазисудебных органов, акты МНПО), а также факты национальных правовых систем (законодательство и правоприменительную практику), имея в виду, что национально-правовые акты носят правомерный с точки зрения международного права характер. Сюда же можно отнести доктрину международного права во всех ее мыслимых проявлениях (от отдельных теорий, общих или частных, до работ наиболее выдающихся ученых или практиков).

Представляется, что в начале XXI века международно-правовая наука, сохраняя свое значение важнейшего средства познания международного права, обретает некоторые новые черты, которые обуславливаются сменой парадигм развития международных отношений и требованиями складывающегося миропорядка XXI столетия.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12.02.2013 г. отмечается, что на современном этапе мирового развития «международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы. Этот процесс проходит непросто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. Международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится все более труднопредсказуемым». События последних двух лет убедительно подтверждают справедливость данной оценки, подтверждая необходимость обеспечения международно-правового порядка на основе соблюдения основных принципов международного права и Устава Организации Объединенных Наций (ООН).

Переходные периоды в развитии международных отношений, как показывает история, нередко вызывают нигилистические настроения в отношении международного права и его роли в поддержании международного мира и безопасности, а также в способности содействовать решению актуальных проблем мирового развития. Так, после распада колониальной системы и перехода к постколониальному мировому устройству в 60-70-х годах прошлого века на различных международных форумах нередко можно было услышать из уст представителей бывших колоний, ставших развивающимися государствами, идеи о необходимости коренной перестройки международного права и Устава ООН, об «империалистическом характере» норм и принципов международного права, не учитывающем справедливые и законные интересы данной группы государств. Практика международных отношений и международного права показала нечто обратное: лишь опираясь на фундаментальные нормы международного права, в том числе, закрепленные в Уставе

ООН, развивающимся странам удалось преодолеть и исключить из правоприменения архаичные нормы колониальной эпохи (режимы капитуляций, консульских юрисдикций, доктрину «приобретенных прав» и др.).

Этот и подобные ему примеры доказывают одну казалось бы очевидную вещь (о которой, впрочем, легко забывают в жарких дискуссиях о роли международного права), что понятие современного международного права, как и любого иного исторически эволюционирующего социального феномена, внутренне противоречиво. Данная противоречивость следует из того, что, с одной стороны, в силу его регулятивной функции оно призвано регламентировать актуальные отношения, складывающиеся между его субъектами, с другой стороны, указанные отношения не являются застывшими, они изменяются, причем в зависимости от динамики исторического процесса темпы этих трансформаций могут быть очень значительными. В результате могут образовываться новые сферы отношений или возникать новые международные проблемы, которые не представляется возможным урегулировать нормами действующего международного права, возникают ситуации правовой пробельности и необходимости дальнейшего развития регулятивного нормативного корпуса.

В современных условиях сложилось немало возможностей оперативного реагирования на подобные ситуации. Раньше всего тревогу начинают бить правые службы различных государственных ведомств или международных организаций, острее всего ощущающие потребность в устранении правовых неопределенностей. Нередко одновременно с ними подает свой голос юридическая наука, которая менее связана официальной позицией отдельных государств или международных межправительственных организаций (ММПО), что позволяет ей предлагать свои рецепты международно-правового развития, в ряде случаев достаточно радикальные или почти футуристические. В качестве примера можно привести проблему изменения климата, на которую обратили внимание ученые, занимающиеся климатом на профессиональной основе, затем она стала предметом озабоченности со стороны государств (или их ведомств), в то же время стали появляться работы юристов-международников, специализирующиеся по вопросам защиты окружающей среды.

Вместе с тем, отмечая креативный и прогрессивный характер науки международного права, не следует преувеличивать ее значение в выработке конкретных норм международного права. В международном правотворческом процессе решающая роль по-прежнему принадлежит государствам, которые посредством разработки и принятия международных договоров обеспечивают развитие международного права и решение

актуальных международных проблем. Возможно, следует признать, что в последние десятилетия несколько усилилось влияние международных организаций (как ММПО, так и неправительственных международных организаций), которые используя свою «мягкую нормативно-результативную силу», стремятся направить усилия государств на выработку новых международных соглашений и содействовать созданию необходимых технико-материальных условий для этого.

В международно-правовой литературе обсуждение вопроса о роли и возможностях науки часто сводится к обсуждению п.д абз.1 ст.38 Статута Международного Суда ООН, в которой устанавливается, что данный суд, обязанный решать переданные ему споры на основании международного права, применяет «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм». Несмотря на несколько архаичную форму выражения («доктрины специалистов по публичному праву»), использованного в Статуте Международного Суда ООН, многие отечественные и зарубежные ученые понимают под «публичным правом», прежде всего, науку международного права¹³.

Следует заметить, что в Статуте Международного суда ООН речь идет о стадии правоприменения, т.е. использования международно-правовой науки в судебной практике, что, однако, не ограничивает возможности обсуждения в связи с этим способности науки выступать средством формирования норм международного права¹⁴. Однако, если необходимость более широкого использования науки в международном правотворчестве, признается многими¹⁵, то возможность такого использования чаще всего оценивается весьма скептически¹⁶.

¹³ См.: Вольфганг Граф Витцтум. Международное право. Указ. соч. с. 72; И.И. Лукашук в своей работе сделал даже ссылку на положение ст. 38 Статута, используя выражение «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по международному публичному праву различных наций», что, разумеется, не соответствует оригинальному тексту Статута, но красноречиво отражает позицию автора. См.: Лукашук И.И. Указ.соч., с.121.

¹⁴ Данный парадокс объясняется, по всей видимости, тем, что в международно-правовой литературе принято рассматривать роль доктрины в контексте понятия и видов источников международного права, опираясь на перечень, установленный в ст.38 Статута Международного Суда ООН. Источник международного права – это форма выражения норм права, понятие, которое ассоциируется с процессом создания норм права.

¹⁵ См.: Лукашук И.И., Указ соч., с.121,

¹⁶ И.И.Лукашук отмечает в этой связи, что «в реальности ресурсы международно-правовой доктрины остаются в значительной мере невостребованными». См.: И.И. Лукашук, Там же.

Вместе с тем, проблема правовой доктрины как источника права рассматривается и в мировой теоретической литературе, обнаруживая порой весьма интересные параллели между международно-правовой и общетеоретической позициями относительно источников международного и внутригосударственного права. Так, в международно-правовой науке, несмотря на перечень упоминавшийся выше ст.38 Статута Международного суда ООН, в качестве вспомогательного средства для определения международно-правовых норм, который может использоваться и реально используется в судебной и дипломатической практике, указываются акты ММПО (резолюции-рекомендации). Несмотря на то, что резолюции ММПО, прежде всего ООН, носят рекомендательный характер и отсутствие у них качества юридической обязательности не позволяет признать их основным источником международного права, в современной теоретической литературе они включаются в перечень источников права вообще, имея в виду источники внутреннего права государств. Логика в подобных подходах имеет право на существование, поскольку в новейшей истории есть немало примеров, когда те или иные важнейшие резолюции ООН (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.) были включены в тексты конституций большого количества государств¹⁷. Еще одним примером интеграции норм международного права во внутреннее право государств является восприятие конституционным правом практически всех государств мира положений международно-правовых актов о защите национальных и религиозных меньшинств¹⁸.

Шведский ученый А. Печеник, президент Международной ассоциации философии права и социальной философии, отмечая влияние глобализации на доктрину источников права, приводит в качестве примера новых источников «резолюции ООН, права человека, торговые обычаи, иностранные прецеденты, арбитраж, рекомендации более или менее авторитетных организаций, другое мягкое право и более или менее глобализованную доктрину»¹⁹. Не вдаваясь в дискуссию относительно правомерности или обоснованности такого широкого, явно не формально-юридического

¹⁷ См.: Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2009, с. 31.

¹⁸ Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2011; Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. М., 2008; Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003.

¹⁹ Peczenik A.. Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence . Vol. 4. Scientia Juris.Dordrecht, 2007, p.17.

подхода к понятию источников права, который конечно же имеет право на существование, отметим, что для указанного авторитетного философа права не менее очевидным является тезис о том, что правовая доктрина является источником права. Он пишет, что «правовая доктрина является источником права, потому что юрист может принимать ее во внимание, тезисы, изложенные в юридических работах не только ввиду качества использованных аргументов в них, но также благодаря авторитетной позиции, которую занимает ученый-юрист»²⁰. С подобным подходом трудно не согласится, поскольку привлекательность научной аргументации, точность стиля и речи, не связанность определенной формой и другие привлекательные качества научного толкования норм права (например, более широкий контекст, включающий результаты анализа правоприменительной практики), бесспорно, делают научные комментарии правовых норм важным источником для лучшего их понимания.

Представляется, что значение международно-правовой науки как способа познания международного права и на этой основе расширения ее влияния на международную правотворческую и правоприменительную деятельность в современных условиях возрастает. Дело не только в том, что научное познание международного права в принципе относится к одним из способов толкования, интерпретации текстов, содержащих международно-правовые нормы. Однако,

в отличие от судебного научное толкование международного права имеет менее формализованный характер и не может рассматриваться даже в ограниченных пределах юридически обязательным для государств. Равным образом научное толкование не может конкурировать с интерпретациями, даваемыми государствами, ввиду более авторитетного характера последних, не гарантированных однако, от ошибочных подходов. В этой связи можно отметить такие предпочтительные черты науки по сравнению с иными способами освоения права (правопонимания) (международным правотворчеством, международной судебной практикой и др.), как ее креативный характер, поскольку она не связана какими-либо формальными международно-правовыми позициями и может предлагать новые идеи, развивающие существующие представления. Наличие в арсенале науки методов систематизации правового материала, его сопоставления, сравнения, а также анализа и синтеза, наряду с критическим отношением к предмету исследования, позволяет ей реализовывать отмеченную созидательную функцию.

Таким образом, в современную эпоху перемен и усиления конфликтности в развитии международных отношений, возрастает роль науки как объективного аналитического средства, позволяющего указать на существование возможностей мирного и доброжелательного решения проблемных международных ситуаций.

Библиографический список:

1. Вольфганг Граф Витцтум. Международное право. М., 2014.
2. Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда и парламент. М., 2005.
3. Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции. Основы теории. М., 2008
4. Капустин А.А. Международные организации в глобализирующемся мире. М., 2010, 316 с.
5. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2009.
6. Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX и в начале XX в. М., 1982.
7. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2000.
8. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000, 262 с.
9. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах/Под ред. и с биографическим очерком д.ю.н., проф. В.А.Томсинова. М., 2008, т. 1, 332 с.
10. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000. Стародубцев Г.С. История международного права и его науки. М., 2006.
11. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2011.
12. Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. М., 2008.
13. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003.
14. Brotons A.R. Derecho internacional. Valencia, 2007, .560 p.
15. O'Brien J. International law. – L., 2001, 890 P.
16. Combacau J., Sur S. Droit international public. – P., 2008, 380 P.
17. Dupuy P.-M. Droit international public. – P., 2008, 420 P.
18. Henkin L., Pugh R.C., Schachter O. International law. Cases and materials. – St. Paul, 1993, 670 P..
19. International law/Ed., by M. D. Evans. Oxford, 2003.
20. Marino Menendez F.M. Derecho internacional publico. Parte general. – Madrid, 2005Б – 380 P.
21. Peczenik A.. Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence . Vol. 4. Scientia Juris.Dordrecht, 2007,

²⁰ Peczenik A. Ibidem.

References (transliteration):

1. Vol'fgang Graf Vittstum. Mezhdunarodnoye pravo. M., 2014.
2. Volkova N. S., Khabriyeva T. YA. Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda i parlament. M., 2005.
3. Vlasenko N. A., Grineva A. V. Sudebnyye pravovyye pozitsii. Osnovy teorii. M., 2008
4. Kapustin A.Y. Mezhdunarodnyye organizatsii v globaliziruyushchemsya mire. M., 2010, 316 s.
5. Kartashkin V.A. Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyakh globalizatsii. M., 2009.
6. Levin D.B. Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v kontse XIX i v nachale XX v. M., 1982.
7. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoye pravo. Obshchaya chast'. M., 2000.
8. Lukashuk I.I. Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo, XXI vek. M., 2000, 262 s.
9. Martens F.F. Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo tsivilizovannykh narodov.V 2-kh tomakh / Pod red. i s biograficheskim ocherkom d.yu.n., prof. V.A.Tomsinova. M., 2008, t. 1, 332 s.
10. Starodubtsev G.S. Mezhdunarodno-pravovaya nauka rossiyskoy emigratsii. M., 2000. Starodubtsev G.S. Istoriya mezhdunarodnogo prava i yego nauki. M., 2006.
11. Khabriyeva T.Y. Sovremennyye problemy samoopredeleniya etnosov: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye. M., 2011.
12. Khabriyeva T.Y. Migratsionnoye pravo Rossii: teoriya i praktika. M., 2008.
13. Khabriyeva T.Y. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiyskoy Federatsii. M., 2003.